

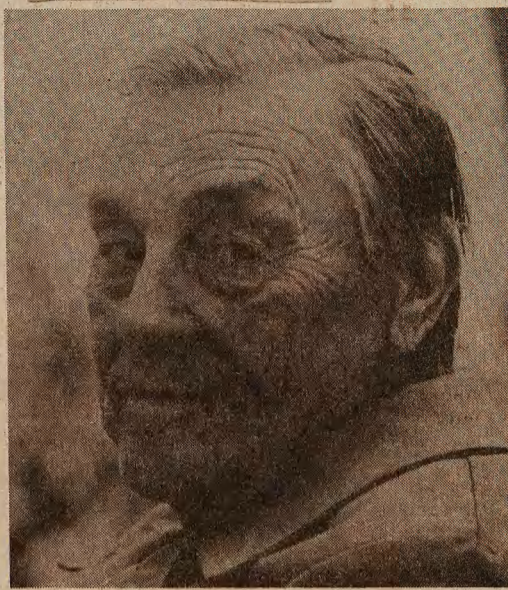
«Я ветвь меньшая от ствола России...»

Дагестан, правда (Махачкала), 1992. — 25 июня.

К 85-летию со дня рождения Арсения Тарковского

Есть люди, жизнь и творчество которых становятся особенно близкими и понятными по истечении определенного времени. Это, по-видимому, связано с тем, что их жизнь и творчество по разным причинам ранее не были известны или доступны нам в достаточной мере. Такие мысли приходят, в частности, когда думаешь об Арсении и Андрее Тарковских.

Каждая страница творчества этих великих художников — откровение, новое открытие необозримого мира и сугубо человеческих земных чаяний, путь к постижению и вечного, и сиюминутного, из которых соткан мир, осмысленные и окружающие, и самого себя... Поэтому, очевидно, и уместно, говоря о живой тяге к творчеству, к памяти Арсения и Андрея Тарковских, использование вслед за ними в расширенном значении слова «ностальгия», хотя обычно оно переводится как «тоска по родине»...

25 июня Арсению Александровичу исполнилось бы 85 лет. Судьба принесла ему много тяжелых испытаний, но тяжелейшим из них, разумеется, было то, что рок нарушил естественный, «нормальный» ход жизненных событий, когда обычно взрослые дети хоронят престарелых родителей: ему пришлось пережить смерть сына Андрея, 60-летие которого отмечалось совсем недавно.

Слова В. Шитовой, сказанные в отношении Андрея Тарковского, применимы к ним обоим — к отцу и сыну, к их творческому духу, неповторимому художественному наследию в современном мире: «Тарковский сегодня для нашего кино — и легенда, и насыщенная необходимость. Он — реальное мерило совестливости, стойкости, верности призванию. Его посмертное возвращение к нам — не только восстановление справедливости, оно больше: оно есть восстановление непреложных критериев искусства».

«Поле» влияния Тарковского сегодня есть прежде всего «поле» нравственное».

Именно с этих позиций я отношусь и к нашим долгам перед памятью Тарковских, и к тому, что в эти трудные дни, когда, казалось бы, нам не до юбилеев, Дагестанский научный центр Российской Академии наук, Министерство культуры Республики Дагестан, Союз писателей Дагестана, общественность республики 25—26 июня проводят юбилейные мероприятия, посвященные 85-летию Арсения и 60-летию Андрея Тарковских. Время собирать камни, время и нам, дагестанцам, с большим вниманием, более бережно относиться ко всем сынам нашего края, чья судьба в разные годы и по разным причинам забрасывала далеко от отчего дома. Тем более, когда речь идет о людях, вклад которых в культуру измеряется масштабами человечества. Таковыми были и есть Андрей и Арсений Тарковские.

Арсений родился в семье народовольца Айнутдина (Александра), происходившего из рода Тарковских шамхалов. Детство и отрочество будущего поэта прошли в Елизаветграде (Кировограде). Семья Тарковских, окружение Арсения отличались прогрессивным настроением, высокой культурой, любовью к литературе. Отец Арсения был высокообразованным человеком, писал стихи, владел десятью языками, в том числе родным — ему кумыкским и двумя древними языками. Все это не могло не сказаться на становлении Арсения как человека и поэта.

В 1925—1929 годы Арсений учился на Высших литературных курсах при Союзе поэтов, в 1924—1926 годы сочинял стихотворные фельетоны для газеты «Гудок», где в ту пору сотрудничали К. Паустовский, И. Ильф и Е. Петров, Ю. Олеся, В. Катаев, а также М. Булгаков, который до того был на Кавказе и даже написал пьесу «Сыновья муллы» совместно с земляком Арсением Александровичем — Тажутдином Пензуллаевым.

Писал стихи А. Тарковский и в годы Великой Отечественной войны, когда, будучи гвардий капитаном, работал в редакции армейской газеты, и в послевоенные годы, очевидно, вплоть до последних своих дней.

И все же первый сборник стихотворений «Перед снегом» А. Тарковского вышел лишь тогда поэту исполнилось 55 лет — не потому, разумеется, что написанные ранее стихи не заслуживали издания, ибо

включенные в этот и последующие сборники и датированные, начиная с 1929 года, его произведения отличаются высокими поэтическими достоинствами. Причиной тому и то, что он, так сказать, был «загнан» в переводческую работу. Но перед нами также яркое проявление скромности, вдумчивости, неторопливости с изданием своих произведений — качество, которого так не хватает иным нашим современным писателям.

В последующем с относительно непродолжительными перерывами выходят сборники лирических и лиро-эпических произведений А. Тарковского: «Земле—земное» (1966), «Вестник» (1971), «Стихотворения» (1974), «Волшебные горы» (1979), «Зимний день» (1980), «Избранное» (1982). Для широкого круга читателей эти стихи стали откровением, открытием новых ступеней развития поэтического искусства, читатель понял истинные масштабы дарования Арсения Тарковского, который не случайно был назван «последним представителем серебряного века русской поэзии».

Поэзия Тарковского поражает широтой, масштабностью как временных, так и географических измерений: от языческих, мифологических седых древностей через животрепещущие реалии нашей современности до, пожалуй, философско-поэтических предсказаний грядущего, от образов вселенских, глобальных до песчинок, травинок-былинок и кузнечиков на них, до конкретного человеческого дома, его историко-культурных корней...

Говоря о последнем, необходимо отметить, что Арсений Александрович, человек, выросший вдали от Дагестана, воспитанный на иных, не дагестанских, традициях, в иной среде, ставший одним из видных представителей русской литературы, не забывал об отчем крае, особенно на склоне лет, испытывал ностальгию по своей «малой родине», как мудрый, «помятый родство» поэт-мыслитель. И ни к своему «корневому» роду-племени, ни к кому-либо другому не относился с высокомерием «высокоцивилизованного человека».

Он не раз приезжал в Дагестан, перевел на русский язык произведения некоторых дагестанских авторов, что уже говорит об интересе Тарковского к отчужденному краю. Вот как описывает его приезд в Дагестан Аткай Аджаматов, близко знавший Арсения Тарковского и одну поэму которого поэт перевел на русский язык: «Среди переводчиков, направленных в Дагестан переводить стихи Сулеймана Стальского, был и Арсений Тарковский. Над переводами работал в отдельном номере гостиницы «Дагестан» в Махачкале. О тех днях я знаю по рассказам самого Арсения Тарковского. Он говорил: когда в газете читали о том, что среди переводчиков нахожусь и я, таркинцы захотели узнать, из каких Тарковских я: из тех ли шамхалов, которые приглашали Петра I в таркинский дворец, или из родственников Нухбека Тарковского, воевавшего против Советов. Когда узнали, что из Тарковских шамхалов, несколько таркинских старцев пошли в гостиницу «Дагестан», постучались в дверь номера Арсения и приветствовали по обычаю традиционным приветствием «Доброе утро». Перед Арсением пали на колени и даже вечером пришли поздравить по обычаю «Доброй ночи» и настойчиво стали приглашать в гости в Тарки. Арсений Тарковский изрядно перепугался, ведь это было в 1938 году, когда

в разгаре были репрессии против обвиненных как «враги государства». Арсений взял необходимые для переводов рукописи и потихоньку вернулся домой в Москву. Переведенные же им стихи Сулеймана Стальского выслал в Дагестан по почте...»

Видимо, опасность огласки генетических связей с самими шамхалами сыграла не последнюю роль в том, что поэт до последнего периода жизни несколько сдержанно говорил о своих дагестанских истоках.

Однако еще в 1946 году, обращаясь к образу отчего края в стихотворении «Дагестан», поэт ярко, необычно, с пронизывающей душу ностальгией воспевает ставшую лично для него как бы несколько «ущербной» землю своих предков:

Я лежал на вершине горы,
Я был окружен землей,
Заколдованный край внизу
Все цвета потерял, кроме
двух:

Светло-синий,
Светло-коричневый там,
где по синему камню
писало перо Азраила,
Вокруг меня лежал
Дагестан.

Но судьба — типичный для творчества Тарковского образ — распорядилась так, что поэт оказался оторванным от Дагестана:

Разве гадал я тогда,
Что в последний раз
Читаю арабские буквы на
камнях горделивой земли?
Как я посмел променять
на чет и нечет любви?
Разреженный воздух горны?
Чтобы здесь
В ложке плавить на
желтом огне
Дагестанское серебро?
Петь:
«Там я лежал над ручьем,
Мыл в ледяной воде
Простую одежду мою?»

Мысль о неразрывных связях человека с отчим домом и невозможности потерей при пренебрежительном отношении к своим «корневым» истокам прекрасного выражена в стихотворении «Эсхил», написанном еще в 1952 году:

В обнимку с молодостью,
второпях,
Чурался я отцовского
наследия.
И не приметил, как в
моих стихах
Свила гнездо Эсхилова
трагедия.

При всей характерности для творчества Арсения Тарковского поэтической символики, метафоричности, очевидно, не случайно и здесь тема «отцовского наследия» увязывается с Кавказом:

Почти касаясь клюва и
когтей,
Обманутый тысячелетней
сказкою,
С огнем и я играл, как
Прометей,
Пока не рухнул на гору
кавказскую.

В контексте сказанного выше можно предположить связь с Дагестаном и следующей чеканной строки: «Я ветвь меньшая от ствола России».

Интерес Тарковского к Кавказу не ограничивался только Дагестаном, о чем говорят его стихи «Цейский ледник», «Дождь в Тбилиси» и др.

В завершение приведу автограф Арсения Тарковского с фотографией, подаренной своей родственнице Б. Гамринской: «Моим дорогим родственникам в память о моих далеких предках. Желаю вам Большого Добра».

А. АДЖИЕВ,
доктор филологических наук.